

Захаров Александр Михайлович

СОЗДАНИЕ 1-Й СЕРБСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДИВИЗИИ НА ЮГЕ РОССИИ В 1916 ГОДУ

В статье рассматриваются проблемы создания сербских добровольческих частей в России в ходе Первой мировой войны. Автор анализирует военные и дипломатические предпосылки их возникновения, отмечает политический, в первую очередь, характер принятия решения о создании этих войсковых соединений. Изучению подверглось также соотношение влияния русских и сербских политических кругов на итоговый результат. Материалы статьи могут быть использованы в общем и специальных курсах по истории России, Первой мировой и Гражданской войн.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. С. 82-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

подход к окружающей действительности» [Там же, с. 24]. Отличительными чертами мировоззрения на основе «синергетического подхода» к окружающей действительности, по мнению Б. А. Мукушева, являются:

1. цельный взгляд на мир, в рамках которого предполагается, что человек это часть природы, Земля - открытая система, а природные и антропогенные процессы представлены в их взаимосвязях;

2. ценностный взгляд на мир, предполагающий, что жизнь и деятельность человека и человечества рассматриваются во взаимосвязях между личностью, обществом, природой в их гармоническом развитии;

3. экологический взгляд на мир, предполагающий осознание приоритета эгоцентризма перед антропоцентризмом.

Интересные мировоззренческие идеи. Однако не совсем понятно, почему автор решил назвать их «синергетическими»? Не понятны и другие мысли автора. Например, «цельный взгляд на мир» - это гештальт и характеристика самого «взгляда»? Или это всё-таки «обычный» человеческий взгляд на мир, но взгляд в духе идеи холизма и антиредукционизма как на нечто связанное, единое и целое? И в какой из этих интерпретаций, человек «видится» как часть природы, Земля рассматривается как открытая система, а природные и антропогенные процессы представлены в их взаимосвязях? Найти ответы на эти вопросы не представляется возможным. Их в тексте нет. Есть только возможность для широкой и субъективной интерпретации.

Таким образом, познакомившись с содержанием основных идей-убеждений синергетического мировоззрения, можно констатировать его сказочно-игровой характер (фантастика, яркий вымысел, сюжетная увлекательность и т.п.), что, впрочем, вполне отражает онтологические и эпистемологические установки постмодернизма.

Список литературы

1. **Алюшин А. Л., Князева Е. Н.** Темпомиры. Скорость восприятия и шкалы времени. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
2. **Жилин В. И.** К вопросу о конструктивной роли хаоса в образовании // Учёные записки Орловского ГУ. 2010. № 3 (37). Ч. I. С. 136-141.
3. **Князева Е. Н., Курдюмов С. П.** Основания синергетики: синергетическое миропонимание. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 256 с.
4. **Моисеев Н. Н.** Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
5. **Мукушев Б. А.** Проблемы формирования научного мировоззрения личности // Alma mater: вестник высшей школы. 2010. № 5. С. 21-29.
6. **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: КомКнига, 2008. 296 с.
7. **Чернавский Д. С.** Синергетика и информация: динамическая теория информации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 304 с.

ABOUT SYNERGETIC WORLD-VIEW

Vladimir Il'ich Zhilin, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University (Branch) in Tara
ZhilinVI@yandex.ru

The author demonstrates the fairy and play character of the basic ideas-beliefs of synergetic world-view that to his mind reflects the ontological and epistemological principles of post-modernism.

Key words and phrases: synergetics; world-view.

УДК 94(47).084.3

В статье рассматриваются проблемы создания сербских добровольческих частей в России в ходе Первой мировой войны. Автор анализирует военные и дипломатические предпосылки их возникновения, отмечает политический, в первую очередь, характер принятия решения о создании этих войсковых соединений. Изучению подверглось также соотношение влияния русских и сербских политических кругов на итоговый результат. Материалы статьи могут быть использованы в общем и специальных курсах по истории России, Первой мировой и Гражданской войн.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; Сербский добровольческий корпус; Добруджинская операция; югославизм; русская армия.

Александр Михайлович Захаров, к.и.н., доцент

Кафедра русской истории

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

rusist.rgpu@mail.ru

СОЗДАНИЕ 1-Й СЕРБСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДИВИЗИИ НА ЮГЕ РОССИИ В 1916 ГОДУ[©]

Возникновение добровольческих частей в русской армии периода Первой мировой войны до недавнего времени рассматривалось в отечественной историографии исключительно в общем контексте военной истории и представляло собой преимущественно эмоциональные нарративы. Между тем, речь идет об особо

мотивированных, элитных частях, со своей идеологией, своими целями и задачами, не всегда абсолютно идентичными государственным, со своей спецификой комплектования. Иностранные же добровольцы вообще ни разу не оказывались специальным объектом исследования, что и побудило нас обратиться к этой теме. Необходимость общего переосмысления истории России этого периода делает тему остро актуальной. В наши задачи, тем самым, входит анализ военных и дипломатических предпосылок возникновения сербских добровольческих частей, характера принятия решений о создании этих частей, соотношения влияния на результат русских и сербских политических кругов.

Официальная история появления на свет сербских добровольческих частей выглядела, как казалось, довольно просто. Сербский посланник в России М. Спалайкович описывал это событие следующим образом: «По распоряжению бывшего верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича пленным сербам, хорватам и словенцам, желающим встать в ряды сербской армии, было разрешено ехать в Сербию, но отправка их по Дунаю сделалась невозможной в силу... последних военных событий в Сербии. По дороге около 200 человек очутились в Одессе, где при Сербском королевском консульстве сформировался маленький добровольческий отряд. Во время последнего пребывания в Одессе Е. И. В. Государя императора наш одесский консул имел высокую честь доложить ему о нашем намерении сформировать добровольческий отряд из всех пленных сербов, подразумевая и сербо-хорватов и словенцев. Е. И. В. Государю императору благоугодно было отнестись сочувственно к этому делу и милостиво заявить нашему одесскому консулу, что дает нужное военное снаряжение для нашего отряда» [9, д. 447, л. 5].

Далее Спалайкович в той же служебной записке поручал от имени сербского правительства военному атташе полковнику Б. Лонткиевичу «ускорить организацию отряда... ввиду значительного ослабления нашей армии с одной стороны и невозможности пользоваться запасом людей в Сербии, с другой» [Там же]. Причины формирования корпуса вроде бы тем самым определялись абсолютно конкретно и точно: во-первых, наличие известного числа военнопленных югославян, желающих воевать на стороне Антанты, во-вторых, существенные потери, понесенные сербскими войсками в кампании 1915 г.

Однако все не так просто. Вне всякого сомнения, эти факторы были весьма существенными, но существовал и еще один, скрытый от посторонних глаз. Как видно из приведенной цитаты, в «сербскую» по названию часть входили не только сербы, но и другие южные славяне, тем не менее, слова «югославский» или «югославянский» в названии не было. Южнославянская же национальная идея могла оборачиваться как великосербской унитарной, так и югославской федералистской своей интерпретацией. Скрытая же борьба между унитаристами и федералистами шла и в самой Сербии, и в южнославянских землях Австро-Венгрии, проходя через их политические и общественные структуры. Секретарь премьер-министра Сербии Н. Пашича П. Милоевич, например, отмечал, что «декларация Сербии о вступлении в войну приобрела югославянскую «упаковку» лишь после того, как Пашича убедили в военной необходимости это сделать» [2, с. 16].

Югославизм, в отличие от великосербского проекта, хоть и был популярен в интеллигентской среде, но в коридорах власти его считали утопией и всерьез о нем не говорили. Помимо этого, существовало довольно таки ясное осознание того, что критерии единства «трехименного народа» весьма упрощенные. В мае 1912 историк и филолог С. Новакович писал директору Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенскому: «Все умные и хорошо к нам относящиеся люди советуют нам югославянское сообщество. Вы, русские, требуете от нас верности светлым традициям православия. Но когда мы опираемся только на них, мы теряем весь запад до Альп и Адриатики, где пропаганда нашей единой народности имеет более всего шансов на успех и где католические племена идут за нами. Поэтому я и кричу от отчаяния» [10, д. 245, л. 4 об.].

Добровольческая часть, тем самым, тоже могла стать как простым филиалом сербской армии, так и зародышем вооруженных сил южнославянского федеративного государственного образования.

Сама по себе идея добровольчества не была чуждой сербскому правительству. 21 октября 1914 г. оно дало указание посольству в Петрограде выяснить, есть ли среди австро-венгерских военнопленных славянских национальностей желающие служить в сербской армии, и, если есть, направить их на албанско-сербскую границу. Еще до этого, в сентябре 1914 г., в посольство пришло письмо от группы пленных боснийских сербов, солдат австро-венгерской армии. Инициатор и автор письма Й. Бланич писал, что они просят отправить их в Сербию, «чтобы вместе с нашими тамошними братьями с оружием в руках выступить против врагов сербского народа» [3, с. 113].

15 декабря 1914 г. в Петроград приехал некто Д. Семиз. Формально он считался корреспондентом газеты «Биржевые ведомости» в Белграде и визит его был продиктован сугубо журналистскими интересами. На самом деле Семиз имел чин поручика сербской армии, был офицером разведывательного управления Генерального штаба Сербии и имел поручение выяснить в Министерстве иностранных дел и Военном министерстве России вопрос о возможной вербовке добровольцев из числа военнопленных югославянских национальностей. Русские власти, в принципе благожелательно относясь к самой идее, помогать, однако, не стали: осенью 1914 г. в затяжную войну в Петрограде пока еще никто не верил.

Семиз решил проблему оригинально: через Всероссийское попечительство о пленных славянах стал искать связей с командованием военных округов и гражданскими властями губерний, где размещались военнопленные. 16 февраля 1915 г. военный губернатор Сырдарьинской области генерал-лейтенант Галкин разрешил открыть отдел Попечительства в Ташкенте. Задачи ему формально ставились следующие: 1) выделение славян из среды военнопленных; 2) регистрация, облегчение участи больных и раненых, назначение

трудоспособных на работу по их специальности; 3) возможно широкое ознакомление пленных с Россией и подготовка из них сознательных и убежденных поборников общеславянской культурной идеи с целью духовного содействия перехода славян в русское подданство; 4) оказание материальной помощи пленным славянам. Уже 14 апреля 1915 г. начальник штаба Туркестанского военного округа с санкции Главного управления Генерального штаба начал составлять списки добровольцев и собирать личные заявления. Впрочем, военные власти сразу ограничили деятельность сербских вербовщиков, она не должна была касаться военнопленных, работающих на промышленных предприятиях [4, с. 66]. Результат по отдельным лагерям получился следующий: Аулие-Ата - 451 прошение, Троицкий лагерь - 220, Чарджоу - 200, Мерв - 117, Самарканд - 101, Ашхабад - 50. Отдельно шли прошения офицеров: таковых набралось шесть человек. Соотношение рядовых и офицеров может показаться странным, но нужно иметь в виду, что, во-первых, офицеры в принципе попадали в плен реже, и, во-вторых, что в австро-венгерской армии офицеров-сербов вообще было очень мало. Пофамильно: Васильевич, Самарджич, Станкович, Диклич, Радулович и Колумбатович [Там же, с. 70]. Однако процесс тормозился бесконечными бюрократическими проволочками и в итоге, вплоть до лета 1915 г., в Сербию из России было отправлено всего лишь около 50 человек.

Именно летом 1915 г. ситуация существенным образом изменилась. 24 июля 1915 г. с санкции правительства Сербии в Россию отбыла специальная миссия: С. Миличич, М. Комненович, Б. Рукавина, Д. Семиз и М. Голубич. В ее функции непосредственно входила перевозка в Сербию по Дунаю из России добровольцев югославян (впрочем, в мемуарах С. Миличича указывается, что руководитель миссии М. Комненович уехал 16 июля [7, с. 261]), статистический учет их и пропаганда, в состав делегации специально включили выходцев из населенных сербами австрийских Далмации (Миличич) и Лики (Рукавина).

Работа миссии имела ограниченный успех и протекала, по-видимому, в условиях изрядной дезорганизации. Об этом говорит поразительный момент: члены миссии толком не смогли отчитаться, сколько же народу они перевезли в Сербию. Семиз писал о 2000 человек [Там же], член Югославянского комитета из Одессы А. Мандич - о трех партиях в 1000, 2200 и 500 человек соответственно [Там же, с. 238-239], секретарь миссии П. Слипчевич, ссылаясь на официальные бумаги посольства в Петрограде, называл цифру 3500 человек [13, с. 521].

Важную роль в этом сыграла специальная группа русских военно-морских офицеров под командованием капитана 1-го ранга М. М. Веселкина и лейтенанта В. А. Григоренко, обеспечивавшая перевозку [8, д. 3448, л. 4]. Закончилась эта операция после 14 октября 1915 г. (т.е. после вступления в войну на стороне Центральных держав Болгарии).

Разгром сербской армии в кампании 1915 г. поменял положение дел самым радикальным образом. Югославяне-добровольцы в России превращались из приложения к основным кадрам сербской армии в самостоятельный фактор, который можно было организовать и ориентировать в политическом смысле весьма различным образом. Бежавшее на территорию Греции на остров Корфу сербское правительство поняло это и взялось за дело самым основательным образом. Так и появилась на свет цитированная выше записка Спалайковича.

Следует, однако, заметить, что предложенная сербским посланником в Петрограде версия - это официальная редакция событий, реально случившихся в Одессе несколько раньше, в конце 1915 г.

Сербский добровольческий корпус родился на свет, как многие крупные явления, из мелкой частной истории. Одесский торговец хлебом серб А. Чиркович, испытывавший в военное время серьезное и обостренное беспокойство за безопасность своего бизнеса, обратился в конце 1915 г. к сербскому консулу в Одессе М. Цемовичу с деловым предложением: организовать за его, Чирковича, счет в Одессе охранное подразделение из югославянских солдат-военнопленных. Они будут нести охрану консульства, а заодно и собственности проживающих в Одессе сербов, не последнее место в списке которой занимали хлебные лавки Чирковича. Его поддержал находившийся в Одессе уполномоченный сербского правительства по закупкам продовольствия за границей крупный спекулянт зерном М. Шайнович: его предприятиям тоже нужна была охрана.

Консул сначала отнесся к идее с осторожностью. В его памяти, видимо, живы были еще события конца 1914 г., когда Чиркович сорвал договор о поставке в Сербию 1750 железнодорожных вагонов зерна и 1645 вагонов муки. Однако Чиркович сослался на форс-мажорные обстоятельства войны и смог переубедить Цемовича. Тот, наконец, согласился, получил согласие городских властей и вербовка началась. Отряд в самом деле составил около 200 человек. Власти Одессы готовы были одобрить и больших размеров часть, но для этого нужна была санкция сверху. Вот тут-то консул и воспользовался визитом в Одессу Николая II. 19 октября 1915 г. Цемович получил аудиенцию у царя и изложил замысел в весьма возвышенной и патетической речи. Николай идею одобрил практически сразу. «Создавайте, - сказал он, - а я дам вам все, что будет нужно» [7, с. 75]. Дело здесь, как представляется, отнюдь не в каком-либо прекраснодушном славянофильстве. Русским царем двигал вполне прагматический и разумный расчет. Сербская армия в эти дни агонизировала в заснеженных ущельях и перевалах на сербско-греческой границе. Могло создаться впечатление о гибели сербской армии вообще, а допустить этого Антанта не могла. Нужен был хотя бы символ продолжающейся сражаться Сербии и добровольцы в Одессе могли стать таким символом.

В январе 1916 г. сформулировало свою позицию сербское правительство, изложившее ее через Спалайковича военному атташе в России полковнику Лонткиевичу, уполномоченному взять теперь дело формирования корпуса под свой контроль. Сводилась эта позиция к следующему: 1) все расходы по формированию, содержанию и снабжению корпуса будут нести русские военные власти; 2) все военнопленные югославяне, желающие служить в корпусе, должны быть спешно переправлены в Одессу, а не желающие - сконцентрированы

в лагерях в одной из центральных русских губерний; 3) ответственность за набор добровольцев при общем руководстве со стороны полковника Лонткиевича возлагается на его заместителя майора Ж. Пейовича; 4) политические вопросы, связанные с корпусом, уполномочивается решать консул Цемович; 5) верховное военное командование над корпусом на данном этапе будет осуществлять генерал-губернатор Одессы и командующий Одесским военным округом генерал Эбелов [9, д. 447, л. 5]. Спалайкович, передавая данный меморандум Лонткиевичу, добавил от себя, что оговаривал эти вопросы с великим князем Николаем Николаевичем, пусть и отставленным уже от командования армией, но все еще в высшей степени авторитетным в военных кругах [Там же].

19 января 1916 г. Лонткиевич изложил указанную выше позицию начальнику Генерального штаба русской армии генералу М. В. Алексееву. Тот в тот же день разослал всем командующим военными округами циркулярное указание переправлять в Одессу всех военнопленных, желающих служить в будущей добровольческой части.

3 февраля 1916 г., отчитываясь о ходе вербовки, Лонткиевич писал сербскому правительству, что удастся сформировать часть размером не менее стрелковой дивизии, а также отмечал, что процессом формирования крайне заинтересован лично Николай II. Почти каждый день он спрашивает, как идут дела, а недавно послал в Одессу генерала Татаринова со специальными полномочиями для ускорения комплектования [7, с. 264].

24 февраля 1916 г. решением Верховного командования сербской армии формируемая часть по представлению Спалайковича и Лонткиевича получила название 1-й Сербской добровольческой дивизии. Ее начальником был назначен бывший военный атташе Сербии в России полковник С. Хаджич. Лонткиевич, впрочем, лоббировал другую кандидатуру - своего старого друга полковника Д. Кушаковича. В Сербии это от внимания верховного командования не укрылось. Кушакович впоследствии стал начальником штаба Сербского добровольческого корпуса.

С первых же дней вербовка добровольцев столкнулась с весьма серьезными трудностями. Русская военно-бюрократическая машина крайне медленно переориентировала поставки снаряжения, шедшие по Дунаю в Сербию еще с 1914 г., в Одессу, ставшую оперативным центром формирования частей. Штаб дивизии был создан в силу отсутствия сербских штабных офицеров в России не сразу, а лишь 29 апреля 1916 г., когда полковник Хаджич в сопровождении 132 офицеров и унтер-офицеров прибыл в Одессу, проделав путь через Англию, Северное и Белое моря и Архангельск.

Тем не менее кадры дивизии были в целом сформированы. Цифры русских и сербских источников чуть разнятся: полковник Хаджич писал о 9 904 солдатах и офицерах [6, с. 77], Главное управление русского Генерального штаба - о 9 840 [9, д. 177, л. 299].

В то самое время, как полковник Хаджич принимал командование своей дивизией, в Петрограде аудиенцию у Николая II получал премьер-министр Сербии Н. Пашич, прибывший в Россию. В ходе ее шел разговор и об одесских добровольцах. Начал его русский царь, предложил Пашичу посетить Одессу и упомянул, что и сам вскоре собирается это сделать [5, с. 54]. Сербский премьер прибыл в Одессу 16 мая и остался в высшей степени доволен увиденным. «Солдаты все молодые, сильные, бодрые, - удовлетворенно писал он. - Офицеры кажутся весьма воодушевленными» [6, с. 77].

Спустя неделю, инспекцию дивизии провели командующий Юго-Западным фронтом генерал А. А. Брусилов, а затем и Николай II. Участник этого смотра, будущий белый офицер-мемуарист, обрусевший словенец А. Р. Трушнович вспоминал это событие так: «В июне, а может быть, в июле (*на самом деле, 23 мая - А. З.*), ярким солнечным утром по улицам Одессы мерно двигались двенадцать батальонов. Батальоны влились в колонну пехотной дивизии, направлявшейся к Марсову полю. Там уже стояли русские войска: 61-я пехотная дивизия, Третья сводная кавалерийская и артиллерия. Все вместе составляли экспедиционный корпус генерала Зайончковского, который должен был высадиться в Варне...

Вдали прозвучал сигнал трубача, другой, поближе, его повторил. Поскакали командиры, раздались команды, по полю прошел шум равняющихся масс. Батальоны замерли. Четыре могучих голоса почти одновременно прорезали воздух: «Полк, смирно! Равнение налево!» Двенадцать тысяч солдат оторвали ладони от ремней и ударили ими по прикладам, одновременно повернув головы влево. Взлетели шашки и, блеснув на солнце, опустились. Дивизия застыла как изваяние. С далекого левого фланга глухо доносились батальонные приветствия. Это приветствовали своего царя русские части...

Наш командир дивизии несется влево. Там, над морем штыков вырастает сотня блестящих фигур в орденках, с аксельбантами. Уже виден автомобиль, в нем дамы в белом, за ними чья-то черная борода. Рядом верховой в фуражке русского пехотного офицера, с белой точечкой на груди. Командир дивизии останавливается перед ним, держа руку под козырек... Государь! Государь тоже берет под козырек, здоровается, затем направляет коня к левофланговому батальону. Батальон выкрикнул приветствие. По шеренгам прошло чуть заметное движение: не ослышались ли мы? Но и второй батальон выкрикивает то же самое! Не успели мы опомниться, как Государь - уже перед нами. Улыбается, левой рукой натягивает поводья, правую подносит к козырьку и, слегка напрягая грудь, звучно нас приветствует:

- Помози Бог, юнаци!

Солдаты, вне себя от восторга, выкрикивают так, что дрожит земля:

- Бог Ти помого!

Царь улыбнулся и двинулся дальше. В автомобиле Государыня в белом платье и белой шляпе, рядом с ней и напротив - великие княжны. Где же наследник? Вот он, мальчик. Рядом с ним могучий чернобородый казак.

Справа не умолкают крики «Бог ти помоги!» - это славяне приветствуют Белого царя. Затем ритм приветствий меняется, и мы догадываемся, что Государь здоровается с русской конницей. Умолкли батальоны и дивизионы. Карьером несутся адъютанты, массы приходят в движение и выстраиваются в колонну поротно. Я на правом фланге первой роты. Перед нами чистое поле. Подъезжает командир нашего полка Попович, усами, фигурой и доблестью напоминая Тараса Бульбу. За ним командир нашего батальона Анджеликович. Шагах в трехстах - трибуна, перед ней Государь на коне» [11, с. 40-44].

Оставим на совести автора процитированного отрывка его восторженность и некоторую путаницу в датах и цифрах: начальник дивизии принял команду над 9 тысячами человек, в боях под названием 1-й добровольческой дивизии приняло участие вдвое больше, здесь же неясно откуда взявшаяся цифра 12 тысяч. Можно лишь предположить, что Трушнович сосчитал за компанию и русских участников смотра. Сделаем скидку на пробелы в памяти, Трушнович писал мемуары спустя двадцать лет после описываемых событий и явно кое-что позабыл или чуть-чуть «додумал». Любопытно, в связи с этим, выглядит ехидное замечание другого бойца Сербского добровольческого корпуса, легендарного впоследствии О. Дундича, припоминая, что русский царь «обиделся на то, что мы не смогли его правильно приветствовать и ответили вразнобой» [1, с. 20]. Отметим то, что не увидел, или не захотел вспомнить мемуарист. При всем вероятно довольно высоком боевом духе, добровольческая часть шла на фронт материально и технически неподготовленной. В 1-й дивизии не было создано ни единой артиллерийской и инженерной части, на всю дивизию было всего 56 пулеметов, очень не хватало гужевого транспорта - 1842 коня.

14 августа 1916 г. 1-я Сербская добровольческая дивизия прибыла на Салоникский фронт. Ее боевой путь начался. Не вполне готовую в военном отношении часть приносили в жертву большой политике - она должна была символизировать преемственность относительно сербской армии на родине и единство сил Антанты. Стать заменой сербской армии добровольцы не могли изначально, а в качестве средства политической рекламы они не годились в силу неразрешимых противоречий между великосербской и югославистской идеями. Дальнейшая судьба Сербской добровольческой дивизии, о чем автор этой статьи уже неоднократно писал, показала, чем заканчивается подмена военных целей политическими - спустя всего лишь год от сербских частей на русском фронте осталось лишь название.

Список литературы

1. Дунаевский А. М. Олеко Дундич. М., 1960.
2. Милојевић П. О људима и чудима. Београд, 1982.
3. Митровић А. Србија у првом светском рату. Београд, 2004.
4. Надточий О. П. Югославянские военнопленные в Туркестане (1914-1917 гг.) // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана: сборник научных трудов. Ташкент, 1985.
5. Писарев Ю. А. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 год. М., 1993.
6. Поповић Н. Срби у Првом светском рату. Београд, 1998.
7. Поповић Н. Србија и Царска Русија. Београд, 1994.
8. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1837. Оп. 1.
10. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 116. Оп. 2.
11. Трушнович А. Р. Воспоминания корниловца. М. - Франкфурт, 2004.
12. Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956.
13. Nova Evropa. 1925. Br. 11. № 17.

THE FORMATION OF THE FIRST SERBIAN VOLUNTARY DIVISION IN THE SOUTH OF RUSSIA IN 1916

Aleksandr Mikhailovich Zakharov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian History
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
rusist.rgpu@mail.ru

The author considers the problems of the creation of Serbian voluntary units in Russia during the First World War, analyzes the military and diplomatic preconditions of their occurrence, underlines primarily political character of decision-making concerning the formation of these bodies of troops and studies the correlation of the influence of Russian and Serbian political circles on the final result. The materials of the article can be used in general and special courses on Russian History, World War I and Civil War.

Key words and phrases: World War I; Serbian voluntary corps; Dobruja operation; Yugoslavism; Russian army.